

Народная артистка

Очерк

Полине Куманченко не было еще шести лет, когда она «твердо» решила, что будет актрисой. Ей казалось, что достаточно надеть длинное платье, накрутить на волосы мантилью и выйти на сцену, как в зале разразится гром аплодисментов. Жизнь на подмостках представлялась ей необыкновенной сказкой, полной чудесных превращений и неожиданностей.

А пока что она довольствовалась тем, что надевала мамины туфли на высоких каблуках и безудержно фантазировала. Так, что сама начинала верить своим рассказам.

Но когда однажды Поля вывела во двор 12 «дрессированных» кошек и собак и объявила своим друзьям, что отныне начинает свои представления ее цирк, Марина Митрофановна впервые серьезно пожалела, что водила дочку в театр.

...То, что представлялось таким простым и легко достижимым в шесть лет, оказалось на деле куда сложнее. Теперь, когда Полине не только не запрещали играть и фантазировать, а, напротив, убеждали ее, что ей необходимо идти на сцену, она все больше сомневалась.

«Ну, откуда они знают, мои учителя и режиссеры,—думала она, разглядывая себя в зеркало,—что из меня выйдет актриса? Сыграю один раз, второй, а на третий вдруг не получится? Да и ростом не вышла». Девушка изо всех сил тянулась на носочках вверх и, убедившись в тщетности своих попыток стать выше, грустно резюмировала: «Актриса должна быть высокой, видной. А ты? Нет, лучше пойду в фельдшерлицы». Но рассуждения эти обычно кончались тем, что Полина показывала язык своему изображению и убежала... на репетицию школьного драмкружка.

Она не видела и не понимала того, что видели и понимали другие: ее появление на сцене сразу же привлекало к себе внимание. Пусть в игре девушки не было еще профессионализма, пусть поведение ее на сцене не всегда было уверенным, но всех привлекало ее огромное сценическое обаяние, яркая актерская индивидуальность, которая проявлялась в каждом жесте, интонациях голоса.

И все-таки никто не подозревал, что эта девушка, привыкшая дружить больше с мальчишками, ловко лазавшая по деревьям, умевшая дальше других бросить камень, что эта девушка так мучительно решает для себя вопрос: быть ли ей актрисой.

Судьбу Куманченко решил один случай. Девушка долго ходила тайком в заводской клуб на занятия драмколлектива, которым руководил режиссер из местного Херсонского театра. Зависнув в темный угол зала, она ловила каждое слово «настоящего» работника театра и страшно сердилась, если кто-то из кружковцев не понимал его, не мог осмыслить его замысла на сцене. А однажды, узнав, что одна из актрис заболела, она осмелела и попросила режиссера позволить ей сыграть роль поварахи в «Свете» Карпенко-Карого.

Режиссер снисходительно разрешил девушке попробовать, хотя ни на минуту не сомневался, что ничего из этого не выйдет. «Такое малое, худое и поди ж, собирается играть

здоровенную бабу»—дивился он про себя.

Но то, что он увидел, совершенно его поразило. Через несколько минут режиссер забыл о том, что перед ним молоденькая девушка с мальчишескими ухватками и совсем юным голосом, и вместе со всеми смеялся над выходками пьяной женщины, такой колоритной, живой, ничего общего не имеющей с маленькой незнакомкой.

В клубе шел спектакль. И когда опустился в последний раз занавес, режиссер не удивился тому, что непосредственная заводская публика начала вызывать Куманченко — исполнителя эпизодической роли. А с осени Полина ходила уже на занятия не в школу, а в театральную студию.

Первый маленький успех не вскружил девушке голову. Она отдавала себе отчет в том, что требования, предъявляемые артистам-любителям, совсем не те, которые ставит жизнь перед мастерами большой сцены. А пока что она рьяно выполняла все наставления учителей, не обижалась, если ее ругали, делали замечания. Студийцы шутки:

— У Куманченко монополия на героев меньше 15 и выше 70 лет!

Полина не огорчалась. Мальчишки так мальчишки, старухи как старухи. Она не была тщеславной, для нее не имело значения, какой по счету стоит ее фамилия на афише. Главное было видеть реакцию зрительного зала, чувствовать, что в образ, созданный тобой, поверили люди.

Это было уже в Харькове, в дни работы в ТЮЗе. После одного из дневных спектаклей Куманченко была в артистической. Она снимала парик, когда услышала вдруг за дверью мальчишеский голос:

— Да чего ты боишься? Пойдем, поспрашиваем. Играет же он на сцене, а мы чем хуже?

— Как-то стыдно, являясь без спроса...

Дверь открылась, и двое ребят просунули головы. Но по тому, какое разочарование отобразилось на их лицах и как удивленно протянул один из них: «Те-етка!», Полина Владимировна поняла — беседы не будет. Чувство горькой обиды охватило актрису: вот они, зрители, отдаешь им все силы, а они даже не в состоянии оценить твой труд, твоё искусство. И только через несколько дней, когда она рассказала кому-то из друзей об этом грустном эпизоде, ее ободрили:

— Ну, что ты, Полина! Это же и есть настоящий успех.

И все-таки играть и дальше только старух, мальчишек, веселых девушек казалось невозможным. Та самая острая характерность, которую так ценили в Куманченко режиссеры и театральные специалисты, грозила стать заколдованным кругом, который мог ограничить творческий рост актрисы. Тем более, что в последнее время ее все больше тянуло сыграть роль иного плана—лирическую или комедийную.

И когда Куманченко впервые создала на сцене образ глубоко лич- ный, поэтический, все словно впер-

вые увидели актрису, впервые по-настоящему оценили ее дарование. Полина Владимировна работала в театре имени Шевченко уже не один год, когда ей поручили роль Елизаветы в «Ярославе Мудром». Скептики пожимали плечами: «Да, Полина превосходная актриса, но ведь это совсем не ее роль!». Бойкие мальчишки и задорные молодички, комические старухи—разве это школа, подготовка к такому образу? Но скептики не умели и не хотели увидеть в мальчишках Куманченко той романтической настроенности, тех лирических ноток, которые делали эти характеры благородными и добрыми, глубоко индивидуальными и необычными.

...Выходила на сцену Елизавета в древнерусском наряде, в кокошнике, и далекая эпоха оживала в ее неповторимом девичьем голосе, в женской обаятельности, в твуженных стремительных и в то же время мягких. И казалось невероятным, что Куманченко, такая современная и сегодняшняя, предстала в этом образе женщиной ушедшего в прошлое века. Она не выходила из рамок историзма и, между тем, делала это прошлое живым, близким, почти осязаемым.

В том, что спектакль был удостоен Сталинской премии, есть доля труда и Полины Владимировны. Говорят, разносторонность таланта, широкий творческий диапазон—это дар. Но побеседуйте с Куманченко, спросите, какую из ролей, сыгранных ею, она больше всего любит, и ответ ее многое поможет понять в творческом облике актрисы.

Полина Владимировна задумчиво говорит:

— Трудно сказать, какую из своих ролей я больше люблю. Если уж играю, берусь играть, не имею права, не могу не любить. Иначе лучше откажись—все равно не получится. Иной раз прочитаешь пьесу и почувствуешь—нет, не лежит у тебя душа к этой роли. Тогда начинаешь искать в ней то, что может тебя привлечь, додумывать за автора.

Так было с работой актрисы в спектакле «Неравный бой» В. Розова. Долго не могла она убедить себя в том, что ей придется играть Тамару Тимофеевну. Интересно задуманный образ никак нельзя было считать удачей автора. Уж слишком много недосказано, нет четкости, завершенности в этом характере. Как говорится, не за что было уцепиться. Но те, кто видел Куманченко в этой роли, никогда бы не подумали даже, скольких мучительных раздумий, долгих поисков стоило ей создание этого образа.

Но далеко не всегда стремится актриса оправдать свою героиню, вызвать к ней сочувствие зрителей. Напротив, очень часто она не боится заострить сатирический рисунок роли, резко выделить недостатки отрицательного персонажа.

...Полина Владимировна в нерешительности остановилась перед входом в помещение Всесоюзного театрального общества. Ей неловко было признаться себе, что она бы с удовольствием не пошла на сегодняшнее обсуждение. Соберутся известные театральные критики, ак-

теры, будут говорить о спектаклях театра, показанных в Москве в дни Декады украинской литературы и искусства, скажут, наверное, и о ней, Куманченко.

Но что скажут, что могут сказать, если видели только одну ее работу, да и то в пьесе, которая идет в лучших театрах Москвы и Киева. И разве по одной роли можно судить об актере? Холодные снежинки падали на щеки, рес-

ницы и таяли, таяли...

— Полина Владимировна! Мы, кажется, опаздываем, — окликнул знакомый голос.

— Да, вы правы! — и Куманченко уже улыбалась, как всегда, радостно и открыто. С каких это пор она стала бояться критики, высказываний коллег?

...Долго длилось обсуждение. Но вот быстрой походкой вышел вперед народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Борис Смирнов. Он повернулся в сторону маленькой, стройной женщины с мальчишеской прической, веселыми голубыми глазами и поклонился ей. Полина Владимировна нервно провела рукой по волосам, оглянулась. Неужели это ей?

— Да, я низко кланяюсь талантливой украинской актрисе Куманченко, заставившей меня, актера, пережить минуты огромного наслаждения в зрительном зале, еще раз вселившей в меня веру в неиссякаемый родник талантов народа, убедившей меня в неувядаемости традиций великой украинской сцены.

А дальше Борис Смирнов говорил о том, что Полина Куманченко по-новому раскрыла образ Клеопатры в пьесе А. Корнейчука «Чому посміхалися зорі», что только сейчас он понял, насколько обедняли этот образ другие исполнительницы, которых он видел в других театрах.

Полина Владимировна прижала к груди руки, словно боялась, чтоб не выскочило оттуда сердце.

Она не заметила, что тот же жест повторила в Кремле, когда ей вручали диплом народной артистки СССР. Улыбаясь встречным, она шла по шумным московским улицам, крепко сжимая сумочку с дипломом, и вихри мыслей пронеслись в голове.

Значит, недаром эта всепоглощающая любовь к искусству, эти бессонные ночи, тяжелый труд! Нет, недаром—ты нужна людям.

Когда думаешь о Полине Владимировне Куманченко, вспоминаешь, прежде всего, не о высоких званиях, которыми отмечена эта женщина. Вспоминаешь, прежде всего, ее совершенно необычный голос, обаятельную улыбку, ее юный, звонкий смех и хочешь, чтобы навсегда осталась она молодой и жизнерадостной, полной неугасимого творческого огня.

Э. БАРАБАШ.